

И. О. Дементьев

НОМО SOVIETICUS В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

39

Рассмотрены основные направления теоретических поисков в работе зарубежных исследователей (историков, социологов, политологов и других специалистов), занимающихся изучением истории Калининградской области советского периода и использующих понятие *Homo sovieticus* (человек советский). В первой части статьи освещена история понятия «советский народ», активно применявшегося советскими авторами в 1970–1980-х гг. Во второй части охарактеризовано понимание «гомо советикуса», сложившееся в отечественной (прежде всего эмигрантской) литературе позднесоветского периода. В третьей части представлены работы зарубежных исследователей, посвященные проблеме формирования *Homo sovieticus* в Калининградской области (прежде всего факторам советизации и причинам ее провала). Автор приходит к выводу, что применение этой категории не всегда имеет достаточные основания, однако ряд наблюдений зарубежных ученых, несомненно, заслуживает внимания. В заключении дан обзор исследовательских перспектив в изучении истории самого западного российского региона в советский период.

*The article discusses the major areas of theoretical research by foreign scholars (historians, sociologists, political scientists and other specialists), who are engaged in the study of the history of the Kaliningrad region of the Soviet period and use the category *Homo sovieticus* (the Soviet man). The first part of the article covers the history of the concept "Soviet people", actively used by the Soviet researchers in 1970s-1980s. The second part describes the understanding of "Homo sovieticus", which was developed in the national (first of all, in the émigré) literature of the late Soviet period. The third part presents the works of foreign scholars that deal with the aspects of making of *Homo sovieticus* in the Kaliningrad region (first of all, the factors of Sovietisation and the reasons for its failure). The author of the article concludes that the application of this category is not always sufficiently justified, but a number of observations by foreign researchers are undoubtedly worthy of attention. The conclusion provides an overview of research perspectives in the study of the history of the westernmost Russian region during the Soviet period.*

Ключевые слова: зарубежная историография, Калининградская область, советский человек, *Homo sovieticus*

Keywords: international historiography, Kaliningrad region, the New Soviet Man, *Homo sovieticus*

Введение

В настоящей статье я планирую рассмотреть на материале современной зарубежной историографии характер применения понятия *Homo sovieticus* по отношению к жителям Калининградской области

советского времени. Под зарубежной историографией далее будет пониматься совокупность исследований, которые выполнены в странах Восточной, Западной и Северной Европы, а также в США: именно в этих регионах проявляется наибольший интерес к истории и современности российского эксклава на Балтике. Под современным периодом подразумевается последнее тридцатилетие, когда у иностранных коллег появились доступ к российским архивам и возможность проведения эмпирических исследований в Калининграде.

В первой части я кратко характеризую историю понятия «советский народ», которое активно использовалось в позднесоветском гуманитарном дискурсе. Хотя советский народ не следует рассматривать просто как совокупность «советских людей», этот концепт необходимо учитывать при выявлении основных черт конструируемого исследователями *Homo sovieticus*. Во второй части вкратце освещается история понятия «Гомо советикус» в отечественной (прежде всего эмигрантской) литературе позднесоветского периода. Важность этого экскурса обусловлена тем, что некоторые зарубежные авторы заимствуют данное понятие из категориального аппарата российских исследователей. В третьей части обобщены подходы современных ученых к проблеме формирования человека советского в Калининградской области, образованной на территории северной части бывшей германской провинции Восточная Пруссия. В заключении предложена оценка исследовательских перспектив рассматриваемой проблемы.

1. «Советский народ» – общность советских людей

Хотя понятие «советский народ» использовалось с 1920-х гг. (обозначая поначалу просто население СССР), к 1970-м гг. оно приобрело особое значение, когда интерпретация советского народа как «новой исторической общности» была легитимирована на уровне руководства КПСС. Инициатива тем не менее принадлежала, по всей видимости, все же академическим кругам. Это следует из выступления М. В. Нечкиной на совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в июле 1944 г., которая сказала:

Мы совсем не занимаемся одной очень важной темой, еще не поставленной в науке проблемой – проблемой формирования советского народа. Я думаю, что это[т] вопрос как задача научного исследования и теоретического освещения должен обязательно стать в порядок дня. Формирование советского народа прошло большого значения этапы в Отечественной войне. Советский народ – это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой несмотря на множественность языков. Однако это не нация, а нечто новое и более высокое. Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию [18, с. 80].

Несмотря на четко заявленную программу теоретической разработки темы новой и более высокой по отношению к нации «общности людей», потребовалась четверть века для того, чтобы понятие было зафиксировано официально — в отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии в 1971 г.¹ В документе констатировалось практическое осуществление ленинской национальной политики, в котором участвовали «все нации и народности нашей страны, и прежде всего великий русский народ» [12, с. 100]. Упомянув «социалистический интернационализм» и «непримиримость к проявлениям национализма и шовинизма», ЦК констатировал: «За годы социалистического строительства в нашей стране возникла **новая историческая общность людей — советский народ**» (полужирный шрифт — в документе) [12, с. 101]. Там же шла речь о «многонациональном советском народе», который своим трудом демонстрировал «монолитную сплоченность».

Семидесятые годы стали временем интенсивной разработки понятия в советской литературе. Утверждение нового концепта происходило в условиях дискуссий между защитниками разных подходов, так что проблема «новой исторической общности» имеет богатую историографию (см., напр.: [11; 14]). Важным было признание ключевой роли Великой Отечественной войны в проверке советского народа на прочность, «в формировании нового человека» [14, с. 5]. Менее чем за десять лет до распада СССР ведущий этнограф Ю. В. Бромлей поместил советский народ в один ряд с другими метаэтническими общностями, говоря о «первой во всемирной истории социалистической интернациональной общности (общности, не имеющей классово-антагонистических противоречий, отличающейся морально-политическим единством, и потому особенно прочной)» [3, с. 391].

После 1991 г. стал очевиден крах концептуального аппарата советской этнографии, по крайней мере в том, что касалось *советского народа*. В Словаре этнографических понятий, изданном в 1995 г., в статье под авторством Ю. В. Бромлея (по всей видимости, доработанной В. И. Козловым после смерти автора) отмечалось, что «обострение межнациональных отношений в СССР в конце 1980-х гг. поставило существование с[оветского] н[арода] под сомнение, а распад СССР на самостоятельные государства вывел этот термин из употребления» [24, с. 86]. Там же проводилась параллель между советским народом и другими

¹ В литературе встречаются упоминания о том, что предложение «В СССР образовалась новая историческая общность — советский народ» было вписано в Третью программу КПСС на XXII съезде КПСС (1961) (в частности, так пишет В. А. Тишков в монографии о российском народе [20, с. 297]), однако в тексте программы этих слов нет, а в воспоминаниях Н. А. Мухитдинова, на которые ссылается В. А. Тишков, как раз наоборот — говорится о том, что в процессе подготовки программы формулировка о «новой исторической общности» была отведена как «надуманная, нереалистическая» [15, с. 510]. В проекте программы она действительно была (см.: [14, с. 6]). Предложение «Сформировалась новая социальная и интернациональная общность людей — советский народ» было включено в текст новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде (1986) [13, с. 126].

социалистическими метаэтническими общностями (югославский, вьетнамский и др. народы). В конце концов один из ведущих российских антропологов В.А. Тишков признал официальное определение понятия «сомнительным, излишне идеологизированным и научно несостоятельным», потому что «ничего принципиально нового в этой общности по государству не было» [20, с. 225]. Тем не менее исследователь считал неправильным отказываться от этого понятия, потому что «советский народ был, как и был советский гражданский национализм без самого слова “нация”» [20, с. 226]. Поздне- и постсоветские этнографические дискуссии отражали борьбу примордиализма и конструктивизма как двух противостоящих подходов к решению вопроса о реальности «новой исторической общности».

Понятие «советский народ» проделало долгий путь легитимации в пропаганде и обусловленном ею (квази)научном дискурсе в Советском Союзе. Несмотря на дискуссии между советскими теоретиками, постепенно утверждалось некоторое единое понимание советского народа как общности людей принципиально нового типа, для которой, в частности, характерно нивелирование национальных различий в перспективе строительства коммунистического общества. Аспекты интернационализации советской культуры в национальных формах и классовой интеграции находились в фокусе внимания теоретиков. Оценивая перспективы научной разработки этой проблематики, они поднимали различные вопросы (от типологии «новых общностей» до роли КПСС в развитии советского народа), однако интерес советских исследователей был в основном сконцентрирован на уровне либо страны в целом, либо национальных (как союзных, так и автономных²) республик — вопрос о региональном измерении процесса формирования советского народа они не ставили. Между тем опыт вновь приобретенных и заселенных советскими переселенцами регионов должен был актуализировать проблему специфики советского народа, его генезиса и факторов развития. В ряду таких регионов Калининградская область могла бы занять достойное место, однако теоретики идеи советского народа не успели начать разработку этой темы.

Несмотря на очевидность проблемы, нуждающейся в теоретическом осмыслении (факторы, благоприятствовавшие и препятствовавшие «выращиванию» советского народа в «лабораторных условиях»), советская историография не ставила и не решала ее. Постсоветские исследователи чаще сосредоточены на конкретно-исторических исследованиях советской Калининградской области (причем преимущественно позднего сталинизма) или на социологических исследованиях современного населения региона. Однако в зарубежной научной литературе интерес к экспериментам руководства страны по формовке *советского человека* не ослабевает.

² Эта тема не исчерпана до сих пор. См., напр., относительно недавний анализ дискуссий по поводу складывания общей памяти советского народа на уровне автономной республики — Бурятской АССР [4].

2. Homo sovieticus: к истории понятия

В зарубежной историографии, посвященной советскому Калининграду, понятие «советский народ» используется крайне редко. Оно, по всей видимости, навсегда осталось достоянием почти герметичной советской историографии³. Между тем многие западные авторы предпочитают, сталкиваясь с советской реальностью как объектом научного описания, использовать другую *полезную категорию исторического анализа* — «человек советский» (в латинской версии — *Homo sovieticus*).

Первые попытки обобщить черты нового типа личности, формирующегося в СССР, были осуществлены не в рамках научного дискурса, а в публицистике и беллетристике. Большую популярность на Западе приобрела книга немецкого журналиста Клауса Менерта «Советский человек» (*Der Sowjetmensch*), которая увидела свет в 1958 г. и выдержала ряд переизданий [47]. Менерт поставил проблему так: в какой мере представитель конкретного народа (русский, украинец и др.) трансформировался в человека советского? Анализ по ряду параметров (семейная жизнь, собственность и благосостояние, личный успех, минимум интеллектуальной свободы) привел автора к ответу, который обнадеживал западного читателя: несмотря на все усилия советских властей, достижение цели (коммунизма) становится все более нереалистичным в ходе удовлетворения повседневных нужд технического и экономического развития, обогащения номенклатуры и общего ослабления «социалистического сознания». Усилия советского режима по производству нового типа человека признавались обреченными на неудачу, что ставило под сомнение и релевантность самого концепта⁴.

Характерно, что рефлексия над феноменом человека советского, развернувшаяся в СССР и затем в среде русской эмиграции, была менее оптимистичной. В недавней статье С.С. Алымов исследовал истоки этой рефлексии в творчестве круга незаурядных отечественных философов А.А. Зиновьева, М.К. Мамардашвили, Г.С. Батищева и Ю.А. Левады, переживавших в 1970-х гг. маргинализацию и идеологическую критику. Эти обстоятельства и объясняют конструирование в их кругу разных вариантов идеи человека советского, живущего в условиях «удушающей “коммунальности”». «В результате, — пишет С.С. Алымов, — они разработали философию личности, служившую своего ро-

³ Исключения (напр., [31; 35]), как правило, относятся к воспроизведению вербальных формул из советских источников. В некоторых случаях применяются оба концепта, но происходит быстрый переход от *советского народа* (*naród sowiecki*) к *советскому человеку* (*człowiek sowiecki, homo sovieticus*), как, например, у М. Зелинского [59, s. 52].

⁴ Критика разворачивалась и по другим линиям аргументации. Так, в 1980 г. Марк Ферро в журнале «Анналы» констатировал тщетность надежд советского руководства на то, что *homo sovieticus* постепенно вытеснит *homo islamicus*: религиозные практики в мусульманских республиках демонстрировали исключительную устойчивость по отношению к советской национальной, религиозной и миграционной политике [37].

да компенсацией, вытесняющей “общество” в качестве иллюзорно-макабрического фона, населенного элементами и зомби» [2, с. 42]. К этой системе представлений восходит и сформулированная в известной публикации начала 1990-х гг. концепция «советского простого человека» Ю.А. Левады [17], которая описывала новый антропологический тип через известную систему категорий (ограниченность, лукавство, двуличие, приспособленчество и т.д.).

Концепция Ю.А. Левады, которая в последние годы неоднократно подвергается обоснованной критике [5; 19], похоже, не отличается большой популярностью в социально-гуманитарных науках за рубежом. Там, по всей видимости, понятие *Homo sovieticus* получило широкое распространение прежде всего благодаря писателю и философу А.А. Зиновьеву⁵. Он ввел его для обозначения «нового типа человека» в сатирическом романе «Гомо советикус», вышедшем в 1982 г. в Лозанне на русском языке [10], а в течение следующих двух лет — на французском, немецком, итальянском, английском и шведском. Любопытно, что сам Зиновьев оперирует и понятием «советский народ»⁶; не отказывается он от слова «народ» и в отношении других общностей в СССР.

Зиновьев, однако, не приписывал себе изобретение понятия: «На Западе, — писал он, — умные и образованные люди называют нас гомо советикусами. Они гордятся тем, что открыли существование этого типа человека и придумали ему такое красивое название» [10, с. 32]. Далее он саркастично замечает:

...они употребляют это название в унижительном и презрительном для нас смысле. Им невдомек, что мы сделали нечто большее — мы первыми вывели этот новый тип человека, а Запад чуть ли не через пятьдесят лет после этого вводит новое словечко и ценит этот свой вклад в историю неизмеримо выше того, что сделали мы сами. Самоуверенность Запада достойно насмешки [10, с. 32].

Эпатажная манера изложения, сатирический характер произведения, смешение эссеистики и автоэтнографии привлекли внимание читателей на Западе. Книга получила ряд положительных рецензий — в одной из них, например, зиновьевская характеристика гомо советикуса объяснялась с помощью таких слов, как «мутант», «запрограммированность» и «оболваненная душа» [16, с. 389]⁷. Реже звучала критика — как

⁵ В литературе высказывалась мысль о том, что сатира А.А. Зиновьева была одним из вненаучных источников концепции Ю.А. Левады [19, с. 71].

⁶ Как в контексте относительно серьезных размышлений, когда «советский народ» противопоставляется «властям» [10, с. 35], так и в ироничных формулировках, наподобие такой: «Когда меня спрашивают... я откровенно отвечаю: я прибыл сюда по заданию ЦК КПСС, КГБ и всего советского народа» [10, с. 46].

⁷ Близкие образы у современного интерпретатора: «гигантская образина гнусной Твари, гальванизированной стараниями некоего нового доктора Франкенштейна, племянника Корбузье» [21, с. 475]. В биографии Зиновьева подробно излагаются его рассуждения и описывается реакция в эмигрантской среде [21, с. 472–478].

в случае П. Абовина-Егидеса, отвергавшего псевдопарадоксальную методологию Зиновьева и, в частности, констатировавшего морально-политическую проблему его анализа: «...ведь если в СССР действительно сложилась новая порода людей», то движение Сопротивления лишено перспектив. «К счастью, — резюмировал Абовин-Егидес, — гомо советикус — это миф. Никакого нового, советского человека нет — его придумали, с одной стороны, агитпроп ЦК КПСС, а с другой стороны, А. Зиновьев, как ни странно» [1, с. 238].

Тем не менее понятие оказалось жизнеспособным. Вслед за Зиновьевым⁸ понятием *Homo Sovieticus* оперировал М. Геллер в книге «Машина и винтики. История формирования советского человека», появившейся в 1985 г. на французском и вскоре на русском языке [6]. Сам он, впрочем, указывал не на западные, а на советские корни понятия «Гомо советикус», которое в 1974 г. было введено в официальной советской литературе [6, с. 9]. В анализе Геллера советский человек — новый тип человека, результат эксперимента, «социальной дрессировки». Цитируя А. А. Зиновьева, Геллер обращает внимание на то, что основные черты советского человека в описании официальной пропаганды и зиновьевской сатиры совпадают: «готов встречать трудности... одобряет действия властей; стремится помешать тем, кто нарушает привычные формы поведения... обладает стандартным идеологизированным сознанием; чувством ответственности за свою страну; готов к жертвам и готов обрекать других на жертвы» [6, с. 29—30] (цитирование не совсем совпадает с оригиналом «Гомо советикуса», представляя собой, вероятно, обратный перевод с французского). Однако Геллер в конечном счете констатирует безуспешность усилий советской власти по сотворению гомо советикуса, обосновывая теоретически расхождение между идеологическим конструктом и реальностью.

Новейшие исследования советского субъекта уже, разумеется, не могут некритично воспроизводить ни публицистические образы А. А. Зиновьева, ни социологические схемы Ю. А. Левады. Характерно, как Алексей Юрчак сформулировал одну из задач своей приобретенной значительную (и заслуженную) популярность книги: «“регуманизировать” простого советского субъекта», что исключает редукцию его описания как к «карикатурно-негативному образу “гомо советикуса”, или “сов-

⁸ Или даже параллельно с ним. Ср. введение к совместной с А. Некричем работе Геллера (1982): «Специфическая особенность — тотальное воздействие правящей партии на все области жизни в размерах, никогда в прошлом не известных, — определила характер всех советских институтов и характер Гомо Советикус, советского человека. Это тотальное воздействие исказило ход нормальных процессов, присущих современным обществам, и привело к возникновению необычного в истории общества и государства» [7, с. 9]. Здесь, впрочем, представлено достаточно схематичное и лишенное парадоксальности описание человека советского. В эмигрантской литературе на 1982 г. встречались и другие характеристики: «...творчество Юрия Мамлеева связано... с советской действительностью... с новым типом человека — гомо советикус, лишенного нравственных ценностей и веры в Бога» [8].

ка»», так и к «героически-романтическому образу “нонконформиста” или “диссидента”» [25, с. 48]. Можно с некоторой осторожностью заключить, что понятие *Homo sovieticus* малопродуктивно для анализа советского прошлого. Однако оно остается востребованным в рефлексии зарубежных исследователей над историей Калининградской области. Как правило, они используют латинскую формулу для определения человека советского. Особенно это важно для научных текстов на английском языке: традиционное “a Soviet Man”, во-первых, совпадает с буквальным переводом советских пропагандистских штампов, а во-вторых, задает двусмысленность, вынуждая читателя выбирать между двумя значениями — *человек* и *мужчина*. Первое затруднение иногда снимается путем введения прилагательного «новый» с прописной — “a New Soviet Man” (см., напр.: [37, р. 76]). Как бы то ни было, латинский термин позволяет обеспечить необходимое для научного дискурса абстрагирование от языка источников.

3. *Homo sovieticus* на крайнем западе России

В отношении средств, которые применяли советские власти для формирования советского человека (не все авторы используют понятие «советский человек»⁹, но все анализируют антропологические аспекты процесса советизации Калининградской области), исследователи в целом согласны: это стирание памяти о Кёнигсберге в Калининграде; новые принципы планирования городского пространства; акцент на коммеморации победы СССР над фашизмом; попытки обосновать права на территорию апелляцией к тезису об «исконно славянских землях»; насаждение, по выражению Б. Хоппе, «стандартной советской культуры» — от календаря праздников до переименования населенных пунктов [22; 27; 28; 30; 31; 36; 43; 44; 48; 52; 53; 57]. Иногда главным средством советизации¹⁰ региона считают его тотальную милитаризацию [30, р. 90–92; 44, р. 48]; порой важный компонент советской идентичности видят в эксплуатации образов космонавтов и пионеров океанического лова — те и другие символизируют советские достижения на пути научно-технического прогресса [41, р. 123–124].

Обращаясь к началу истории области, исследователи выявляют черты первых переселенцев, благоприятствовавшие формированию иде-

⁹ А те, кто применяют, зачастую не вдаются в детали определения этого понятия или не делают эксплицитных ссылок на концепции, в рамках которых они считают его релевантным. Поэтому реконструкция генеалогии концепта обычно затруднена. Редкие исключения среди обсуждаемых в этой статье — польские авторы: К. Женгота [58, s. 116] ссылается на статью А.М. Карпенко, а та — на монографию Г.У. Солдатовой, которая использует понятие в рамках концепции Ю.А. Левады [17]; М. Зелиньский [59; 60] ссылается на книгу М. Геллера. Западные исследователи обычно пишут о *Homo sovieticus* как о само собой разумеющемся понятии, обычно даже не оговаривая, что это идеально-типическая конструкция.

¹⁰ Семиотика советизации как процесса трансфера советских структур недавно вновь привлекла внимание исследователей. См.: [26, S. 354–355].

ального советского человека. Нидерландско-российский социолог Ольга Сезнева подчеркивает, что все переселенцы, хотя и принадлежали более чем к восьми разным этническим группам, говорили на русском языке и, поскольку в большинстве своем прибыли из разоренных войной регионов, ощущали себя «лишенными корней» [52, р. 324]. Польский исследователь Милош Зелиньский выделяет другой фактор: «Новые переселенцы прибыли главным образом из РСФСР, БССР и УССР. Они были преимущественно молодыми и не помнили времена до 1917 г. Если рассуждать в терминах цивилизационного эксперимента, их новый дом был совершенно отличным от прежнего. Для московских властей область, таким образом, была совершенным местом для создания *Homo Sovieticus*» [60, р. 3–4]. На молодости и неопытности новых советских администраторов делает акцент и американский историк Николь Итон: «Они привезли с собой интуитивное понимание теории и практики социализма» [36, р. 43].

Говоря об особенностях начального этапа советизации в области, необходимо обратить внимание на региональную специфику понятия космополитизма, которое именно здесь наглядно отражало двойственность советского дискурса. В той мере, в которой марксизм вытекал из традиции Просвещения, космополитический идеал (всемирно-гражданская точка зрения, по Канту) мог бы стать элементом советской идеологии, интернационализмом *par excellence* (хотя бы в отдаленной перспективе). Известно, что этого не произошло – в позднесталинский период космополитизм, понимаемый как «низкопоклонство перед Западом», оказался объектом политической репрессии. Случай Калининграда должен быть исследован особенно тщательно – ведь здесь советский человек непосредственно усваивал некоторые нормы западного образа жизни. Ольга Сезнева в главе недавней коллективной монографии «Космополитизм в конфликте» специально обращается к этой теме и приходит к выводу, что в политической сфере космополитизм имел исключительно негативный смысл, но на уровне повседневной культуры ситуация была более сложной: желание советских людей иметь лучшие материальные условия служило одним из мотивов переселения в бывшую Германию, а в быту они неизбежно встречались с другой культурой (что иногда, вопреки намерениям властей, порождало чувство зависти и комплекс неполноценности) [54, р. 291].

Анализ фигуры человека советского в самом западном российском регионе открывает богатые перспективы для метафорического описания прошлого. Как одновременно «лабораторию и дом для новой породы *Homo Sovieticus*» трактует Калининград британский исследователь Макс Кеттенакер [42, р. 58], с ним согласны и другие авторы [37, р. 8]; «*Homo sovieticus* в Кёнигсберге должен был быть отлит в чистой форме», указывает немецкий историк Андреас Коссерт (его цитирует польская исследовательница Моника Вуйцик-Жолондек) [43, S. 340; 57, s. 259]; «идеальной пробиркой для *Homo Sovieticus*» в силу отсутствия национальной идентичности называет Калининградскую область бельгийский политолог Йос Клаис [33, s. 29].

Самое детальное описание генезиса *homo sovieticus* (człowiek radziecki) в Калининградской области дал польский историк и социолог Анджей Саксон. Коммунистические идеологи, пишет он, воспринимали регион как идеальное место для эксперимента в сфере социальной инженерии. Саксон выделяет ряд предпосылок создания нового человека: в первую очередь, отсутствие всякой собственности у новопоселенцев; всеми средствами производства безраздельно здесь владело государство. Отрыв переселенцев от корней в географическом смысле, с одной стороны, предопределял недостаток материальных традиций на новом месте жительства, с другой — был идеальным условием для образования «новой советской общественной действительности» [50, s. 293]. Разрыв с немецким прошлым в Калининградской области протекал радикальнее, чем в польских Вармии и Мазурах или литовской Клайпедде. К важным факторам относились также закрытость региона, молодой возраст переселенцев (приезжавших в том числе для того, чтобы «освободиться от традиций», но, разумеется, неспособных избежать при этом тоталитарного контроля), беспрецедентная в масштабах страны политика полной атеизации региона. «В этих условиях массивное воздействие пропаганды и функционирующая в течение десятилетий система образования, культурных учреждений, средств массовой информации в значительной мере повлияли на ментальность жителей области, внося вклад в формирование *homo sovieticus*» [50, s. 296].

От обсуждения предпосылок формирования образцового советского региона многие исследователи переходят к характеристике причин, по которым эта политика провалилась: медленные темпы восстановления городов из-за финансовых, кадровых и иных ресурсных затруднений [27; 28], а также бесхозяйственного отношения к «чужому» [22]; скудость археологических и исторических доказательств исконности «древней славянской земли» [28] и обусловленная этим фактом (как и нехваткой средств) утопичность политики по созданию «виртуального русского прошлого» [22, с. 249]; переоценка прошлого в среде самих калининградцев уже начиная с 1950-х гг. [28; 30]. Немецкий историк Берт Хоппе выделяет еще один фактор — «всеобщую неуверенность относительно будущего этого региона» [28, с. 253]. Формированию «нового советского человека» неизбежно мешали долго сохранявшиеся в центре Калининграда немецкие руины, как полагает британский историк Джереми Фримэн [38, p. 76]. Роль «физического опыта городского пространства» на нескольких примерах 1960–1980-х гг. анализирует О. Сезнева, приходя к выводу, что материальность памяти нередко оказывалась сильнее ее нарративных форм [53, p. 174].

Особое место занимает религиозный фактор. Американский историк Дэвид Кейт Бриджес отмечает значение православия для русской национальной идентичности и констатирует обман ожиданий переселенцев по этому поводу [30]; немецкий историк Пер Бродерзен усматривает причины краха советской атеистической политики в том, что на микроуровне — в среде рядовых коммунистов на местах — сохранялось нейтральное или даже позитивное отношение к православию [32];

польский историк (и ксендз) Ежи Стецкевич показывает, как у советских граждан религиозная идентичность постепенно вытесняла национальную (на примере самоидентификации калининградских белорусов и украинцев как православных либо католиков) [55, s. 390].

Среди зарубежных исследователей нет тех, кто констатировал бы полный успех в формировании человека советского, и мало тех, кто пришел бы к выводу о полном провале этого проекта¹¹. Обычно они отмечают противоречивость этой политики, в результате которой население региона все же стало преимущественно русским и обычным советским, без местной специфики [48, p. 273–274], или обращают внимание на относительную успешность атеистической политики в доперестроечный период [33, s. 45]. Глубоко пессимистичное видение результатов реализации советского проекта остается характерным для некоторых интеллектуалов, прежде всего для писателей, чутко воспринимающих социокультурные процессы и отражающих их в художественной форме. Так, Зиновий Зиник в финале повести «Нога моего отца» (2004) описывает «индустриальную цивилизацию из кошмара Иммануила Канта», которую он лицезрел в советском Калининграде. Главный герой этой цивилизации, основанной на марксистской логике, — «современный кентавр», «синтез человеческой плоти и железной машины... прошедший катастрофы двадцатого столетия», «магический человеко-робот с компьютерными мозгами, новый Голем — протез человеческой души. В том же смысле, в каком Калининград — это железобетонная оболочка, “протез” ампутированного духа Кёнигсберга» [9]. Такой образ, усиленный технической и медицинской метафорикой, позволяет британскому слависту Уиллиаму Блэйкеру описать Калининград как «место, которое изуродовано двадцатым веком и грубо собрано по частям» [29, p. 614]¹². Литературная традиция от А. А. Зиновьева до З. Зиника на протяжении нескольких десятилетий с успехом эксплуатирует одни и те же образы для характеристики советской действительности, однако наука не может позволить себе этого.

Творческий подход к определению специфического типа человека советского в калининградском контексте проявляется в других формах. Некоторые исследователи создают новые таксономические единицы. Так, П. Бродерзен предложил использовать категорию *Homo sovieticus kaliningradensis* (человек советский калининградский) [31, S. 177–179]. Исследователь описывает его как идеальный тип жителя области, сконструированный позднесталинской пропагандой. Для первого послевоенного поколения война продолжалась, но новое пространство жизни

¹¹ Например, так можно понять вывод А. Саксона: «Результат усилий по созданию “нового человека” на руинах прошлого — отрицательный. Калининградская область с течением времени превратилась в регион, охваченный апатией и подвергшийся *уравниловке*» [50, s. 325].

¹² Эта модель описания раннесоветского Калининграда, несомненно, отличается от той, что исходит из образа «чистой доски» (*tabula rasa*), с помощью которого также нередко характеризуется советский проект в бывшей Восточной Пруссии [40, p. 245].

должно было стать Родиной, а не местом постоянных сражений [31, S. 178]. Вопреки стереотипному мнению о тщетных усилиях по лишению калининградца национальных черт, Бродерзен аргументированно доказывает, что на самом деле противоречия не было: в основном калининградцы были русскими, чувствовали себя в российском регионе дома и идентифицировали русские национальные интересы с интересами советскими. Историк не показывает, как эволюционирует *советский человек*, но весь ход изложения свидетельствует, что в послесталинские годы усилия властей по формированию нового типа человека постепенно обнаружили свою несостоятельность.

Подход Бродерзена развивает датская исследовательница Эва Биргитта Дуберг Нильсен, которая акцентирует внимание на задачах по архитектурному переустройству Калининграда. Рассматривая первое послевоенное десятилетие (прежде всего, правда, на основе периодики, а не документов), она формулирует исходное положение советской политики: «...тяжелую повседневную жизнь людей в еще не достроенном городе можно облегчить, объединив их в рамках идентичности “калининградцев”, но все же как часть советской нации (*nation*) и, таким образом, определив их как *homo sovjeticus kaliningradensis*» [34, s. 26]. Советский человек на западной границе должен был быть выносливым и стойким первопроходцем, одновременно принадлежащим к «героическому русскому народу»:

Градостроители и архитекторы Калининграда хотели и должны были создать для его жителей город, который олицетворял бы собой борьбу, которую пережил Калининград, и отдавал бы ей должное, возводя различные мемориалы в память о великой победе. Так была укрепленна конструкция *homo sovjeticus kaliningradensis* [34, s. 26–27].

Анализ Дуберг Нильсен приводит ее к заключению, что главным фактором формирования специфической советской идентичности была градостроительная политика — эта идентичность непосредственно выражалась в городском пространстве (правда, ее анализ нуждается в дополнении характеристикой политики советизации в сельской местности).

Вид *Homo sovieticus* приобрел еще один подвид в концепции французского культургеографа Оливье Рокпю. Он помещает в центр рефлексии важный источник геополитической идентичности калининградцев — океаническое рыболовство как отрасль хозяйства, в которой была занята едва ли не большая часть населения. Его формулировка для определения этой идентичности — *homo sovieticus oceanicus* (*человек советский океанический*). Парадоксальным образом многие калининградцы, проживая в закрытом регионе, оказывались открыты миру благодаря своей вовлеченности в процессы освоения Мирового океана. Это обстоятельство отразилось и на характере региональной культуры, и на структурах повседневной жизни (от импорта западных товаров до распространения иностранных языков) [49, p. 129–131]. «Таким образом, — подытоживает Рокпю результаты советизации региона к 1991 г., — ка-

лининградец оказался совершенным *homo sovieticus*, укорененным в СССР мирового масштаба, квинтэссенцией которого была Калининградская область – СССР в квадрате» [49, p. 174]. Необходимо отметить, что О. Рокplo делает оговорку по поводу правомерности использования понятия: «Если калининградец бесспорно является неким *homo sovieticus*, то это прежде всего *homo sovieticus oceanicus*...» [49, p. 131]. Однако его аргументация имеет далеко идущие последствия – исследователь настаивает на необходимости отказа от распространенного стереотипа о калининградской советской идентичности «без местной специфики»: на самом деле океаническое рыболовство репрезентируется как целостный «социальный мир»: «Если *homo sovieticus* существует, то в Калининграде это совершенно оригинальный *homo sovieticus oceanicus*» [49, p. 323].

Заключение

Использование зарубежными авторами категории *Homo sovieticus* (в частности, при анализе истории самого западного советского региона), как правило, не сопровождается ее внятным теоретическим описанием. Более того, иногда авторы строят на ее основе чисто умозрительные схемы, выдвигают гипотезы без убедительной аргументации, недостаточно привлекают фактический материал. Тем не менее вышеприведенный обзор показывает, что применение понятия *Homo sovieticus* может приобретать некоторую эвристическую ценность. Обсуждение стратегии советских властей (или ее отсутствия), выявление региональной специфики политики советизации, характеристика причин провала этой политики – имеющийся корпус исследований существенно обогащает наши представления о прошлом российского региона, хотя, возможно, это достижение было бы таким же и без включения латинского словосочетания с налетом публицистичности в категориальный аппарат. В то же время анализ современной историографической ситуации позволяет определить наиболее перспективные направления дальнейшей работы.

Во-первых, обращает на себя внимание, что практически во всех исследованиях *человека советского* отсутствует гендерная перспектива. Она не выходит за пределы ритуальных политкорректных оговорок – как, например, у британского историка Штефана Бергера, который пишет, что власти планировали создать из Калининграда «образцовый город нового советского мужчины (и женщины)»¹³. Однако исследований, сфокусированных на коллективном опыте калининградских женщин (и мужчин), пока нет; изредка встречаются отдельные суждения, которые не опираются на глубокий анализ источников. Например, Петер Саводник предполагает, что женщины лучше мужчин адаптировались к постсоветской ситуации, в том числе в части переосмысления своей

¹³ В оригинале: «...a model city of the new Soviet man (and woman)» [28, p. 345].

идентичности после краха привычного образа жизни [51, р. 16]. Этот сюжет, несомненно, требует отдельного исследования, особенно с учетом очевидного гендерного дисбаланса на ранней стадии истории региона.

Во-вторых, не поставлена пока всерьез проблема стратегий эксклюзии, которые применялись властями в отношении населения Калининградской области. Б. Хопше, правда, пишет вскользь о том, что советские граждане, принадлежавшие к «враждебным народам» (чеченцы, ингуши и другие подвергавшиеся депортациям народы), в сталинское время не имели возможности селиться в области [23, с. 197], и предлагает рассматривать более широкий (вплоть до общеевропейского) контекст, в котором советское руководство минимизировало присутствие потенциально враждебных народностей в стратегически значимом регионе. К этим народностям в конечном счете принадлежали и немцы. Население области стало гомогенно советским только к 1950 г. [52, р. 326], однако вопрос о том, входило ли немецкое население в какой-то степени в «советский народ», в литературе почти не обсуждается. Традиционный взгляд на эту проблему выражен в работе немецкого историка Герхильд Лушнат, детально охарактеризовавшей положение немцев в послевоенной области и описавшей невозможность их интеграции в советское общество [45; см. также: 30, р. 68–76]. По-новому эту проблему в последние годы ставит американский историк Николь Итон. В диссертации 2013 г. она констатировала на основе немецких свидетельств о первых послевоенных годах, что немцы «охотно перевоплощались в новых... советских мужчин и женщин», отказываясь от норм морали ради выживания [35, р. 277]. В этой трактовке склонности к воровству, зависти, недоверия как имманентных черт человека советского просвечивает старая добрая концепция гомо советикуса, хотя Итон и не использует это понятие. В недавней статье [36] она обращается к проблеме двойственности (сочетания эксклюзии и инклюзии) советской политики в отношении немецкого населения¹⁴. Вполне вероятно, что в дальнейшем анализе этой проблемы возникнет необходимость реконцептуализировать понятие «советского народа».

Третья тема, к которой только подступают современные исследователи, — космополитизм и региональная специфика борьбы с ним. Анализ этой проблематики на основе широкого круга источников будет ценным не только для региональной, но и для национальной истории в целом, поскольку откроет более нюансированную картину культурного взаимодействия России и Запада в XX столетии.

В-четвертых, характерно, что использование концепта *Homo sovieticus* в отношении калининградцев стимулирует постановку вопроса о степени уникальности положения самого западного российского региона. В последние годы, впрочем, зарубежная историография чаще акцентирует внимание на типичности советской политики в отношении всех вновь присоединенных территорий [46]. Даже кампания по то-

¹⁴ Кратко об этой двойственности, когда немцы были лишены возможности получить советское гражданство, но несли ответственность в рамках советского законодательства, пишет О. Сезнева [54, р. 275–276].

тальному переименованию населенных пунктов в Калининградской области, которая долгое время виделась беспрецедентной, сегодня пересматривается и помещается не только в общесоветский, но и в общеевропейский контекст [39]. Однако Калининградская область действительно отличалась почти стерильными условиями для экспериментов в сфере социальной инженерии, и изучение регионального опыта может быть ценным не только с точки зрения локальной тематики.

Наконец, до сих пор основное внимание исследователей было сосредоточено на советском периоде, причем прежде всего на первом послевоенном десятилетии, когда политика властей выглядела системной. Она приобретает противоречивость уже к середине 1950-х гг., и эти противоречия сохраняются вплоть до конца советской эпохи. Но переход от советского типа личности к постсоветскому практически не изучен. Норвежский политический антрополог Эйрик Штрём обращает внимание на то, что в период Перестройки «интернационалистическая модель 'homo sovieticus'» получает множество альтернативных идентичностей, опирающихся на культуру и этничность [56, р. 74]. Что случилось с *человеком советским* в бурной второй половине 1980-х гг.? Как интерпретировать ранний постсоветский опыт — эволюционировал ли *Homo sovieticus*? Каково значение этой аналитической категории для анализа постсоветских обществ первых десятилетий XXI в.? Даже если считать ее нерелевантной, поиск ответов на эти вопросы может принести плоды и для понимания противоречивого советского прошлого, и для теоретического обновления категориального аппарата социальных наук.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №21-09-43039 «"Советский народ" на крайнем западе России: теория и практика формирования "новой исторической общности" в Калининградской области (1945 – 1991)».

Список литературы

1. Абовин-Егидес П. В погоне за парадоксами (По поводу публицистики А. Зиновьева) // Форум (Мюнхен). 1983. №5. С. 215–238.
2. Алымов С.С. О личностях и элементах: позднесоветская социальная философия от марксистского гуманизма к идее Homo sovieticus // Антропологический форум. 2020. №47. С. 11–52.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
4. Варнавский П. Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // Ab Imperio. 2004. №4. С. 239–262.
5. Габович М. К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. М., 2010. С. 340–366.
6. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. Л., 1985.
7. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Л., 1982. Т. 1.
8. Глезер А. Вместо предисловия // Мамлеев Ю. Изнанка Гогена. Париж ; Нью-Йорк, 1982. С. 3.

9. Зиник З. Нога моего отца // Урал. 2005. №7. URL: <http://uraljournal.ru/work-2005-7-436> (дата обращения: 01.09.2021).
10. Зиновьев А. А. Гомо советикус. Lausanne, 1982.
11. Ким М. П., Шерстобитов В. П. Советский народ – новая историческая общность людей. М., 1975.
12. КПСС. Съезд, 24-й. Стенографический отчет 30 марта – 9 апр. 1971 г. М., 1971. Т. 1.
13. КПСС. Съезд (27; 1986; Москва). Материалы XVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
14. Куличенко М. И. Образование и развитие советского народа как новой исторической общности (историография) // Вопросы истории. 1979. №4. С. 3–23.
15. Мухомидинов Н. А. Река времени. От Сталина до Горбачева. М., 1995.
16. Сапир К. В фокусе вогнутого зеркала // Континент. 1983. №35. С. 388–392.
17. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / отв. ред. Ю. А. Левада. М., 1993.
18. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. №2. С. 47–86.
19. Титков А. С. Призрак советского человека // Социология власти. 2019. Т. 31, №4. С. 53–94.
20. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.
21. Фокин П. Е. Зиновьев: Прометей отвергнутый. М., 2016.
22. Хоппе Б. Борьба против вражеского прошлого: Кёнигсберг / Калининград как место памяти в послевоенном СССР // *Ab Imperio*. 2004. №2. С. 237–268.
23. Хоппе Б. Кёнигсберг/Калининград в XX в. – фокус современной европейской истории // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград, 2005. С. 190–200.
24. Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов / отв. ред. В. И. Козлов. Вып. 6. М., 1995.
25. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение [2005]. М., 2014.
26. Ackermann F., Urbansky S. Einleitung – Introduction: Reframing Postwar Sovietization: power, conflict, and accommodation // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 2016. Bd. 64, H. 3. S. 353–362.
27. Amundsen M. Taking it to the streets: getting to the real gritty, grubby through autoethnography. Yearning, discovery, home : PhD diss. Tallinn, 2017.
28. Berger S. How to be Russian with a difference? Kaliningrad and its German past // *Geopolitics*. 2010. №15. P. 345–366.
29. Blacker U. Writing from the Ruins of Europe: representing Kaliningrad in Russian literature from Brodsky to Buida // *The Slavonic and East European review*. 2015. Vol. 93, №4. P. 601–625.
30. Bridges D. K. In Moscow's image? Creating Soviet state and society in Kaliningrad province, 1945–70 : PhD diss. Charlottesville, 2008.
31. Brodersen P. Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen, 2008.
32. Brodersen P. "Christus hat uns nicht vergessen". Sowjetmacht und religiöse Praxis an der sowjetischen Peripherie, Kaliningrad 1946–1950 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2004. Bd. 52, H. 4. S. 571–584.
33. Claey's J. Van Kant tot Kalinin. Identiteit en identiteitspolitiek in Kaliningrad : Master thesis. Ghent, 2016.
34. Duberg Nielsen E. D. Byplanlægning i Kaliningrad og udviklingen af en sovjetisk identitet // *Arbejderhistorie*. 2012. №3. S. 19–32.

35. Eaton N.M. Exclave: politics, ideology, and everyday life in Königsberg-Kaliningrad, 1928 – 1948: PhD Thesis. Berkeley, 2013.

36. Eaton N. Provisional redemption and the fate of Kaliningrad's Germans // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2020. Vol. 21, №1. P. 41 – 72.

37. Ferro M. *Homo islamicus, homo sovieticus* (note critique) // *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 1980. №3 – 4. P. 663 – 669.

38. Freeman J. From German Königsberg to Soviet Kaliningrad. Appropriating place and constructing identity. L. ; N.Y., 2020.

39. Freitag S. Ortsumbenennungen im sowjetischen Russland. Mit einem Schwerpunkt auf dem Kaliningrader Gebiet. Kiel, 2014.

40. Gaál X. The city of K. (Königsberg / Kaliningrad) as a cultural phenomenon: cultural memory, the myth and identity of the city // *Postcolonial Europe? Essays on post-communist literatures and cultures* / ed. by D. Pucherova, R. Gáfrík. Leiden ; Boston, 2015. P. 243 – 259.

41. Horenbeek C. Paysage urbain et identités collectives à Kaliningrad // *Connexes: Les espaces postcommunistes en question(s)*. 2020. №6. P. 117 – 154.

42. Kettenacker M. The Castle, the Cathedral, the monster and the Fishing Village – a history of Königsberg and Kaliningrad // *Scroope: Cambridge Architectural Journal*. 2005. Vol. 17. P. 56 – 65.

43. Kossert A. *Ostpreußen: Geschichte und Mythos*. München, 2005.

44. Lopata R. Anatomy of a hostage: Kaliningrad anniversary case. Tartu, 2006.

45. Luschnat G. Die Lage der Deutschen im Königsberger Gebiet. Frankfurt a/M, 1996.

46. McIvor M.C. Soviet policy towards the new territories of the RSFSR, circa 1939 to 1953 : PhD thesis. 2012.

47. Mehnert K. *Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach zwölf Reisen in die Sowjetunion 1929 – 1957*. Stuttgart, 1958.

48. Oldberg I. The emergence of a regional identity in the Kaliningrad Oblast // *Cooperation and Conflict*. 2000. Vol. 35, №3. P. 269 – 288.

49. Roqueplo O. La Russie et son miroir d'Extrême-Occident: l'identité géopolitique de la Russie ultra-périphérique sous le prisme de l'Oblast' de Kaliningrad. Etude géographique et géopolitique: thèse de doctorat. Paris, 2017.

50. Sakson A. *Od Kląjpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kląjpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury*. Poznań, 2011.

51. Savodnik P. Kaliningrad // *The Wilson Quarterly*. 2003. Vol. 27, №2. P. 16 – 22.

52. Sezneva O. Historical representation and the politics of memory in Kaliningrad, former Königsberg // *Polish Sociological Review*. 2000. №131. P. 323 – 338.

53. Sezneva O. Tenacious place, contingent homeland: making history and community in the repopulated city of Kaliningrad : PhD diss. N. Y., 2005.

54. Sezneva O. From Kantian Cosmopolitanism to Stalinist Kosmopolitizm: the making of Kaliningrad // *Cosmopolitanism in conflict. Imperial Encounters from the Seven Years' War to the Cold War* / ed. by D. Gusejnova. L., 2018. P. 271 – 294.

55. Steckiewicz J. *Kościół katolicki w obwodzie Kaliningradzkim w latach 1945 – 2009*. Kraków, 2013.

56. Strøm E. *On Foreign Soil: Nostalgia and Social Drama Among Political Activists in Kaliningrad* : Master thesis. Oslo, 2012.

57. Wójcik-Żołądek M. *Od Königsberga do Kaliningradu. Nazwy miast jako miejsca pamięci* // *Przegląd zachodni*. 2014. Z. 2. S. 254 – 273.

58. Zęgota K. *Diaspora polska w Obwodzie Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej*. Toruń, 2014.

59. Zieliński M.J. Między filozofem a starostą. Dylematy tożsamości regionalnej obwodu kaliningradzkiego i jego mieszkańców po 1991 roku : rozprawa doktorska. Warszawa, 2017.

60. Zieliński M.J. Subjects of the Empress. Wider Context of Regional History Education on East Prussia and Identity Processes in Contemporary Kaliningrad Oblast // Sprawy Narodowościowe. Seria nowa. 2018. T. 50. <https://doi.org/10.11649/sn.1629>.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев – канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

The author

Dr Ilya O. Dementev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IDementev@kantiana.ru